

Автор
Алексей Маркович
Бондаренко

Продолжение, начало в №28

Маркелыч сидел за столом как потерянный. После моего сообщения мне тоже стало не по себе, даже неуютно сидеть в теплой, обжитой избушке таежника. Хотя я сам привез эту неприятную весть охотнику и утрата охотоведа всю дорогу не отпускала меня, но в эти минуты, глядя на страдания пожилого человека, боль обострилась, и я не смел поднять на него глаза, как будто в этой общей беде виноват был сам.

Мне довольно часто приходилось встречаться с охотоведом Борзых и я каждый раз восхищался его эрудицией и порядочностью. Мне всегда казалось, что жизнь Анатолия Васильевича гладкая, без задоринки и печалей, катится как по накатанной дорожке, болячки обходят его стороной и наврядли когда подступятся к нему. Он никогда не унывал. Даже в трудные минуты жизненных ситуаций находил место шуткам и прибауткам. Борзых всегда можно было видеть в окружении балагуров, каким он был и сам. Гроза браконьеров, он вместе с тем к каждому нарушителю был внимателен и справедлив. Борзых категорично не признавал протоколов ради протокола. Но коль набедаю курил в тайге нарушитель закона, то держись.

Маркелыч, облокотившись на стол, смотрел в окно и в так качающимся под напором ветра деревьям и сам качал головой.

- Так вот... Почему, думаю, который день душе моей тошно. Тепереча вот знаю, что ее терзало. Припоздал я маленько. Давно бы перед Васильевичем покаяться надо было. Припоздал я маленько.

- Что тревожит тебя, Маркелыч? Может я тебе чем помогу?

- Да чем ты мне можешь помочь? Растревоженной душе ничем не поможешь. Много мы грешим в этой жизни, а признавать своих грехов порой не хотим. Вот и я много грешил. Даже чересчур много. Не намеренно, а как-то само собой получалось. Особенно неудержимой быва-

ет молодость. Да и к старости мало умнеем. Вот и у меня вышел неприятный казус. Виноват я перед Борзых. Да как еще виноват! Уму непостижимо.

- Да что случилось-то? — тревожился я.

Маркелыч словно не слышал меня. Он вслух думал о своем:

- В жизненной суеде вовсе забыл, что обидел охотоведа и не признался во время в своем огрехе. Нечистый попутал меня. И худо то, что покаяться — то теперь не перед кем. И уже никогда это не сделаю. Лет десять ношу в себе тяжелый груз. Сколько раз приступался признаться Анатолию Васильевичу, но все язык не поворачивался. Ведь, другой раз, хочу ему всю правду открыть, но не могу и все. Откладываю на потом. Вона и дооткладывался, окоянный. Давит и терзает меня совесть. А тепереча и вовсе хошь не живи на этом свете.

Маркелыч повернулся ко мне лицом. И я сразу заметил, как он осунулся и постарел даже. А за окном бесновался ветер. Его порывы были так сильны, что скрипели стволами деревьев, вздрагивала избушка. После недолгой оттепели, а затем крепких заморозков, снег прилип к веткам деревьев. Густые и тяжелые ветви от непоспешимой тяжести гнулись и ломались, падали с треском на землю. Ломало и лес. В тайге образовались непроходимые завалы.

Мне жаль было старого таежника. Я видел, как он сильно переживал. Поэтому намеренно прервал затянувшееся молчание:

- Непогодье наделало дел. Теперь топора из рук не выпустишь. Иначе не пройти и не проехать по матушке-тайге.

- А что ты хотел! Природа не прощает варварства. — Неохотно, со злостью бросил Маркелыч. — Ты, друг мой, не заговаривай мне зубы. Понимаю тебя. Но и ты пойми меня. Как тепереча душу хошь не вылечить, но хотя бы успокоить. Э-э-э... — отчаянно махнул рукой охотник. — Не получится. Лишь раскаянием и добрыми дела-

ПОЗДНЕЕ РАСКАЯНИЕ

Памяти Анатолия Васильевича Борзых

ми замолю грехи свои. Нет, не заживет кровавая рана. Кровь сочится...

- А ты открой мне свою тайну. Легче станет, — попросил я таежника.

После долгих и трудных скитаний по тайге в теплом зимовье я, конечно, расслабился. Мне хотелось растянуться на нарах, закрыть глаза и ни о чем не думать. Но тревога за моего друга тронула сердце. Я на время забыл и про сон, и про путики, и про избушки.

Маркелыч, покачивая головой, виновато посмотрел на меня. В его глазах было столько боли и страдания, что мне стало не по себе.

- Не курю уже более года, а вот потянуло. Угости сигаретой.

Я подал таежнику сигарету, закурил и сам. Маркелыч огрубевшими руками долго разминал ее. Затем прикурил и, затянувшись дымом, надрывно закашлялся. Когда успокоился, кивнул головой на окно:

- Подурел ветер и успокоился. Однако на мороз потянуло. Вона и солнышко показало над болотом. В ясную-то погоду как-то привольней дышится. Хмарь тоску на сердце веет.

Я не торопил его с исповедью и лишних вопросов не задавал. Чувствовал, что таежник сам откроется мне, распахнет свою душу.

- У соседа пала корова: то ли белены объелась, то ли подавилась чем, то ли жвачку потеряла. Одним словом, хозяева не досмотрели и корова сдохла. Бедолаге и ветврач не помог. Сергей Александрович — так зовут моего соседа — не убивался о своей животине. Мне показалось, на оборот, обрадовался даже.

Маркелыч курил в затяжку, надрывно кашляя, ходил взад-вперед по избушке. — Я удивлялся спокойствию соседа. В девяностые годы всем нам жилось не сладко. Каждый выживал, как мог. А соседу наплевать на все, хоть трава не расти. Он работал в какой-то сомнительной фирме. Они, фирмы и фирмочки эти, в то непростое время росли как грибы в благодатную погоду.

Сергей Александрович зачастую приезжал на своем задрюпанном «Москвиче» ночами. Правда, очень скоро он обзавелся хорошим автомобилем и стал заносчивым. Но со мной отношений не терял. В то утро, когда пропала корова, сосед ни свет, ни заря настойчиво забарабанил в мою дверь.

- Маркелыч, помоги моей беде. — Лицо его сияло, и он был доволен. Ничего не говорило о случившейся беде. — Понимаешь, корова не замогла и того... Не знаю, что этой пропасти не хватило.

- Но я же не ветврач, Александрович, — не понял я его. — Правда, есть у меня один знакомый суперветврач. Он любую животину может на ноги поставить. Погоди маленько. Счас сполосну лицо и поедом. Он не откажет. Мировой мужик.

- О чем ты толкуешь, Маркелыч! Никакой супер уже моей корове не поможет. Говорю же, что сдохла. Тепер вот ты мне помоги.

- Чем же? — не понимал я соседа. — Тут действитель-

но корове не поможешь. Если увезти ее подальше и закопать. Это можно.

- Ну, браток, ты совсем

как ребенок! — удивился сосед. — Разве можно в наше заповоленное время закапывать в землю молодое свежее мясо! Это же преступление!

- Что же делать? — спросил я на него в недоумении.

- Ну, браток, удивляюсь я тебе. И правду говорят, что старость не радость. Ты освежь ее, а я уж постараюсь пристроить мясо куда надо. Самому мне заняться этим делом недосуг, а тебе в самую пору. Все одно бездельничает. Вон меня ждут уже. А опоздание смерти подобно. Ребята умеют считать бабки. Одним словом, бизнес. Вот и приходится крутиться, как белка в колесе. — Похлопал дружески меня по плечу Сергей Александрович. — Вот здесь-то твой супер ветврач пригодится. Пускай черкнет справочку и заверит печатью, что мясо пригодно для общепита. Десять процентов от выручки твои. Вижу, не жиреешь на охотничьих хлебах. Перебиваешься с хлеба на воду. Да и хлеба-то, порой, не достать ешь. Эх, времечко приспело! Трудно жить на этом свете. Ой, как трудно! Только тот выживает, кто берет быка за рога. А ты, браток, вижу не из того теста. Держись меня, не пропадешь.

- Но это же! — задыхнулся я.

- Хочешь жить — умей вертеться, народная мудрость гласит. Так что карты тебе в руки, дорогой мой Маркелыч.

- Это же подлость!

- Забудь это слово. Внаше время такие выкрутасы называются бизнесом.

- Я вижу, до тюрьмы с тво-

им бизнесом один шаг. Нет, брат... — сопротивлялся я.

- В тюрьму только дураки лезут за мешок комбикорма в колхозах. Наш же бизнес поставлен на промышленную основу. Так что действуй без оглядки. — Приступал ко мне сосед, не давая опомниться.

Когда я пришел в себя, то категорично заявил:

- Извини, дорогой сосед, но на преступление я не подписываюсь. Кого-нибудь другого поищи.

Сосед, со злостью хлопнув дверью, выскочил на улицу. Его лицо покрылось красными пятнами. Плюхнулся в машину и, нажав газу, умчался в город. Домой он вернулся только ближе к обеду и вновь у меня на пороге объявился.

- Эх, мать твою душу! Ни хрена не получается, — выдохнул он. — Бизнес, брат, дело тонкое. Чуть ушами прохлопал и стороной прошел — не поймаешь.

Ну, да ладно. И вновь прошу тебя, Маркелыч, помоги убрать со двора эту дохлятину. А то вон мухи уже одолели, да и запахок не из приятных. Вона какая жара стоит. Узнает сельсовет — тут штрафом не отделаешься. Сделай доброе дело, Маркелыч, увези падалу на помойку. За мной дело не станет — отблагодарю.

Падшая корова соседа уже тронулась. Во дворе чувствовался тошнотворный запах разлагающегося мяса. Тучи зеленых мух кружились над усадьбой, залетая в дом. Сосед, как ни в чем не бывало, юркнул в свой автомобиль и умчался невестку куду.

Окончание следует
Алексей БОНДАРЕНКО,
г. Енисейск

